

КОСТИ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РЖЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. А. Сарапулкин

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 26 февраля 2020 г.

Аннотация: рассматриваются варианты использования костей животных, являющихся, вероятно, остатками мясной пищи, в погребальном обряде Ржевского могильника салтово-маяцкой культуры. Мясная пища, представленная в основном находящимися в анатомической связке крестцами и позвонками коров, реже овец и в единичном случае свиньи, сопровождала менее половины взрослых захоронений и отсутствовала в детских захоронениях. Кости животных, наличие которых прослеживается во всех обрядовых группах, не коррелируются напрямую с социально значимыми признаками погребального обряда. В то же время их присутствие указывает на некоторые не вполне понятные особенности статуса покойного. Схожие варианты использования костей животных в погребальном обряде других могильников салтово-маяцкой культуры интерпретируются автором как возможное свидетельство общности их происхождения.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, погребальный обряд, кости животных, заупокойная пища.

Abstract: the article considers the options of using animal bones, which are probably leftovers of meat food by the burial ceremony at the Rzhnevsky cemetery of the Saltovo-Mayaki culture. Meat food was represented mostly by the anatomical complex of sacrum and vertebrae of cows. Sheep bones were found less often and pig bone was in the isolated case. Meat food was fixed in a half of adult burials and wasn't found in child's burials. The animal bones from all studied rite groups are not directly related to the social position of the funeral rite. At the same time, their presence points to some, not well understood, features of the corpse's status. Similar versions of the use of animal bones by the funeral rite at other cemeteries of the Saltovo-Mayaki culture are interpreted by the author as possible evidence of their common origin.

Key words: Saltovo-Mayaki culture, funeral rite, animal bones, burial food.

В 2004–2007 гг. экспедицией Белгородского государственного университета под руководством автора проводились раскопки грунтового могильника салтово-маяцкой культуры у села Ржевка Шебекинского района Белгородской области. Памятник занимает мыс второй надпойменной террасы левого берега реки Нежеголь (левый приток Северского Донца).

На могильнике зафиксировано 85 объектов, обозначенных в процессе археологических работ как погребения. Четыре из них представляют собой ямы, совпадающие по форме и ориентации с погребениями, но не содержащие следов ритуальных действий. Из числа оставшихся объектов шесть погребений были разграблены – в ямах обнаружены отдельные кости человека и животных и единичные вещи.

Погребения совершены в подпрямоугольных ямах. В некоторых из них выявлены остатки деревянных конструкций – гробов-рам, состоявших из четырех поставленных на ребро плах, перекрытых досками (насколько позволяет судить сохранность). Погребенные расположены вытянуто на спине головой на северо-запад, иногда с небольшими отклоне-

ниями. Руки вытянуты вдоль туловища, реже одна или обе кисти лежат на тазе. Большинство погребений сопровождалось стоявшими у головы, реже у ног керамическими сосудами. В женских погребениях инвентарь представлен в основном серьгами, перстнями, бусами и пряслицами, в мужских – ножами кресалами, предметами вооружения и конской упряжи [1].

Значительное место в погребальном обряде Ржевского могильника занимают кости животных. Их видовой и анатомический состав, а также расположение внутри могильной ямы демонстрируют заметное разнообразие. В семнадцати захоронениях зафиксированы комплексы, сформированные из черепа и четырех конечностей животных – лошадей (11 погребений) и коров (6 погребений). В четырех захоронениях прослежены скелеты ягнят. Большую группу составляют отдельные кости животных либо их связки (всего 22 погребения). Кроме того, в шести погребениях прослежены пястные кости овец (погребения 3, 7, 20, 27, 37, 71), в единичных случаях – клык медведя (погребение 19) и фаланга лисицы (погребение 37). Те или иные варианты размещения костей животных в погребениях показывают корреля-

ляцию с половозрастными показателями и социальными маркерами. Вероятно, их семантика также различна.

В данной статье мы рассматриваем практику помещения в погребения отдельных костей либо групп костей животных, которые традиционно интерпретируются как остатки мясной пищи, сопровождавшей покойного.

В материалах Ржевского могильника традиция помещения костей животных зафиксирована в двадцати двух погребениях (45 % взрослых погребений). Во всех случаях отдельные кости животных сопровождали погребения взрослых людей. Анатомический и видовой состав выглядит следующим образом: в тринадцати случаях помещались крестцы и части позвончиков коров (погребения 2, 10, 12, 16, 17, 24, 25, 39, 41, 62, 68, 79, 83), в двух – части позвончика коровы (погребения 36, 63), в трех – крестец и часть позвончика овцы (погребения 32, 72, 75). В единичных вариантах встречались крестец и часть позвончика овцы, сопровождаемые трубчатой костью крупного животного (погребение 84), крестец и позвончик коровы вместе с конечностями овцы (погребение 73); крестец и часть позвончика свиньи (погребение 35); трубчатая кость крупного животного (погребение 55)¹.

В основном кости животных, вне зависимости от вида, располагались в районе черепа погребенного (83 % случаев). Исключения составили погребения 63, 72, 83, в которых части позвончика коров находились в районе стоп покойного, и погребение 2, в котором крестец коровы располагался в ногах покойного. Вероятно, похоронный ритуал не исключал помещение пищевых продуктов у стоп покойного, о чем свидетельствует факт расположения 40 % керамических сосудов именно в этой части ямы. В то же время размещение мясной пищи у ног является рецессивным элементом.

Археологически фиксируемое присутствие мясной заупокойной пищи наблюдается во всех взрослых обрядовых группах. Кости животных прослежены в восьми из шестнадцати захоронений с предметами вооружения (воинские погребения), в одиннадцати из двадцати шести женских захоронений, в трех из семи мужских невооруженных захоронений.

Четкой корреляции между социальным статусом погребенных, насколько о нем можно судить по погребальному обряду, и присутствием мясной пищи не замечено. В восьми воинских погребениях, содержащих кости животных, погребения 25 и 79 относились к числу наиболее «бедных». В них отсутствовали череп и ноги лошади, конская упряжь, мечи.

¹ Анализ остеологического материала выполнен научным сотрудником Зоологического института РАН, кандидатом биологических наук Е. А. Петровой.

К их числу примыкает погребение 75, в котором конская упряжь представлена неполным комплектом, а оружие – наконечником стрелы. При этом мясная заупокойная пища содержалась в богатом кенотафе – погребении 12, содержащем череп и ноги лошади и меч, в захоронениях с черепами и конечностями лошадей и упряжью (погребения 39, 68), а также в погребении с нетипичной для данного могильника конструкцией, инвентарь которого включал меч (погребение 73)².

Не содержавшие костей животных погребения формируют более монолитную группу. В них присутствует полный комплект конской упряжи. В семи погребениях имеются комплексы из черепа и ног лошади, в трех – мечи. Не сопровождались мясной пищей и захоронения наиболее вооруженных воинов, например, погребение 44 с мечом, топором, копьем и погребение 60 с мечом, топором, копьем и накладкой на лук. В дополнение отметим, что эта группа погребений превосходит предыдущую группу по числу погребений с воинскими поясами – четыре случая против двух.

В женских захоронениях с костями животных встречено больше серег из золота – две пары против одной, однако к женским погребениям, не содержащим мясной пищи, относятся все пять случаев присутствия комплексов из черепа и конечностей коров. Единственным погребением, содержащим подобного рода предметы и сопровождавшимся мясной пищей, было мужское захоронение 63³.

Мужские погребения без предметов вооружения, но с костями животных содержат несколько больше инвентаря, по сравнению с погребениями, абсолютно не содержащими костей животных. Однако это богатство выражается в присутствии ножей и кресал, которые вряд ли являлись маркерами престижа.

Таким образом, наиболее четким фактором, влияющим на помещение в погребение мясной пищи, был возрастной фактор. В погребения детей костей животных не помещали. В отношении погребений взрослых можно предположить, что данный элемент погребального обряда не связывался напрямую с социальной иерархией – и в группе погребений с мясной пищей, и в группе, ее не содержащей, присутствуют престижные захоронения.

Однако в погребальном обряде вышеназванных групп фиксируются некоторые отличия. В воинскую группу с мясной пищей входят довольно сильно отличающиеся друг от друга и от остальных захоронения: погребение 73 со сложной конструкцией ямы и

² Для частично разрушенного погребения 41 воинский статус определен исходя из наличия поясных бляшек.

³ Пол определен кандидатом исторических наук И. К. Решетовой. В дополнение отметим, что состав инвентаря также указывает на мужской характер погребения.

единственным мечом, помещенным в качестве инвентаря; погребение 75, совершенное в короткой могиле и сопровождающееся единственным стремением (в то время как остальные погребения с упряжью содержат по два стремени), а также два наиболее бедных воинских погребения.

Погребения воинов без мясной пищи выглядят гораздо более однородно. Для женских погребений наиболее выразительно наличие в захоронениях без мясной пищи комплексов из черепов и ног крупного рогатого скота, не фиксируемых в погребениях противоположной группы.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что размещение в погребении частей туши животного было связано с некоторыми особенностями статуса погребенного, либо носящими социально-возрастной характер, либо обусловленными внутренней (родоплеменной) организацией коллектива.

Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры с погребениями, совершенными в ямах, показывают значительное разнообразие в отношении сопроводительной пищи. Такие могильники, как Лысогорский [2], Нетайловский, Красная Горка и Червоная Гусаровка [3, с. 91] практически не содержат в погребениях костей животных, которые можно было бы интерпретировать в качестве остатков заупокойной мясной пищи. Остальные памятники демонстрируют значительное разнообразие данного элемента погребального обряда.

По признаку состава костных останков животных наибольшее сходство с Ржевским могильником имеет Волоконовский могильник. По сравнению с погребениями Ржевского могильника, в захоронениях Волоконовского могильника в большей степени доминируют кости коровы, представленные крестцами и позвонками [4, с. 292]. Отличительной чертой является наличие несколько большего количества лопаток и ребер, а также присутствие мясной пищи во всех взрослых и большинстве детских погребений [там же].

Схожим анатомическим составом костей представлены остатки мясной пищи в погребениях некоторых могильников Нижнего Дона. К ним можно отнести погребение 2 Красноярского могильника, в котором в изголовье погребенного был помещен крестец и часть позвоночника быка [5, с. 53]; погребение 1 могильника Закатное 1, где были обнаружены крестец и часть позвоночника овцы [6, с. 210], и, возможно, погребение 4, в котором аналогичные в анатомическом плане кости животного располагались под плечом покойного [там же, с. 215, рис. 4].

Для Крымского могильника характерно помещение в изголовье погребенных крестцов, частей позвоночника и лопаток овец [7, с. 75]. Кости животных содержали 22 (22,5 %) взрослых погребения из 98 из-

ученных и 8 (25 %) детских погребений из 32 изученных.

Могильники среднего течения Северского Донца имеют значительные отличия от вышеупомянутых памятников в составе костей животных, предположительно являющихся остатками мясной пищи. Так, на могильнике у с. Желтое около 80 % неповрежденных взрослых и 50 % детских погребений сопровождалось костями животных, из которых 86 % происходили от овцы, 5 % от коровы и 9 % от лошади [8, с. 77]. В девяти случаях в ногах погребенных располагались комплексы из черепа и ног овцы, в четырех случаях они дополнялись конечностями, иногда в комплексе с «хребтами» мелкого рогатого скота или костями крупных животных, находившимися у головы погребенных, еще в трех случаях кости животных лежали только у головы погребенного.

В материалах могильника Новоначное кости мелкого рогатого скота (82 %) преобладают над останками коров (12 %) и лошадей (6 %) [9, с. 175]. В большинстве случаев фиксируются комплексы из черепа (челюсти) и конечностей овцы, помещенные в ногах погребенных. Рядом с головой встречены кости конечностей овцы (погребение 21) [там же, с. 174] и коровы (погребение 12) [там же, с. 171]. Одиннадцать (69 %) из шестнадцати взрослых погребений содержали кости животных, из семи детских захоронений лишь в одном прослежены кости овцы.

Для могильника Зливки также характерно преобладание традиции помещения в могилу костей овцы (6 случаев), при второстепенной роли костей крупного рогатого скота (3 случая), при единственном случае свиной челюсти [10, с. 256]. При этом в двух случаях видовая принадлежность животных не была определена. В описании погребений не всегда приведена анатомическая атрибуция костей, указано присутствие тазовых костей коровы (погребение 7), ребер коровы (погребение 33), ребер овцы (погребение 18), позвонков овцы (погребение 31), челюсти свиньи (погребение 20). В остальных случаях используется термин «кость». Из двадцати одного взрослого погребения десять содержали кости животных (48 %). Немаловажно, что кости животных были зафиксированы в трех детских погребениях (погребения 18, 23, 33).

На могильнике Дроновка-3 (для погребений, описание которых опубликовано) также фиксируется доминирующая традиция помещения костей мелкого рогатого скота – в четырех случаях, при одном случае помещения костей лошади. В двух погребениях (погребения 23, 39) фиксируются комплексы из черепа и конечностей овцы, помещенные в ногах погребенных [11, с. 365, 370], в двух случаях конечности овцы: в одном случае в комплексе с позвоночником (погребение 27) зафиксированы рядом с головой погребен-

бенных (погребение 27, 31), еще в одном – кость конечности лошади прослежена также в районе черепа покойного (погребение 37) [там же, с. 367]. Кости животных обнаружены в четырех взрослых погребениях из десяти изученных, в одном детском погребении из четырех изученных.

К могильникам среднего течения Северского Донца близок по характеру костных останков животных Мандровский могильник, расположенный на южной окраине лесостепи. Видовой состав костей животных, прослеженный в погребениях памятника, характеризуется преобладанием мелкого рогатого скота (13 случаев), при второстепенной роли крупных животных (5 случаев) [12, с. 47]. В могилу, как правило, помещались конечности животных. Лишь трижды зафиксированы части черепа овец: дважды это располагавшиеся в ногах черепа (в погребении 6 в сопровождении двух конечностей), один раз (погребение 7, кенотаф) нижняя челюсть и кости ног лежали в той части ямы, где обычно располагалась голова покойного. Детские погребения остатков мясной пищи не содержали, тогда как в 57 % взрослых погребений они присутствовали.

В целом, общим для могильников среднего течения Северского Донца является преобладание в мясной пище костей овец. Анатомический состав характеризуется доминированием костей конечностей при второстепенном положении других частей туши. Встречающиеся в значительном числе погребений черепа мелкого рогатого скота, иногда интерпретируемые как пища [8, с. 66], вероятно, носят иную семантику. В пользу этого можно привести следующие положения.

Во-первых, черепа животных в большинстве случаев сопровождаются костями конечностей, формируя комплексы, аналогичные захоронениям частей лошади, прослеженным во всаднических погребениях Ржевского, Больше-Тарханского и отчасти Нетайловского могильников. Благодаря присутствию конской упряжи в данных захоронениях пищевая семантика комплексов практически исключена. Овца, естественно, сохраняет свое пищевое значение. В ее отношении можно допустить существование представлений, как и в случае с лошадей, согласно которым череп и ноги (возможно, и шкура) животного, помещенные в могилу, могли воплотиться в загробном мире в целое животное.

Во-вторых, черепа и ноги овец в большинстве случаев расположены в ногах погребенного, при этом сосуды стоят исключительно у головы. Значит, можно предположить, что для населения, оставившего захоронение, помещение пищи и питья в ногах покойного распространено не было.

В-третьих, в ногах погребенных не прослеживается мясная пища, аналогичная по составу пище, расположенной в голове⁴.

Таким образом, мы можем предварительно⁵ выделить две группы могильников, отличающихся по составу мясной заупокойной пищи. Отличия наблюдаются преимущественно в анатомическом составе костей. Для первой группы (Ржевский, Волоконовский, Красноярский, Крымский могильники и Закатное, могильник 1) характерны крестцы и примыкающие к ним части позвоночника, для второй группы – конечности животных. Также важно отметить, что для первой группы характерно расположение частей сосудов в ногах погребенного и наличие гробов, для второй группы (Желтое, Новодачное, Зливки, Дроновка, Мандрово) – помещение всех сосудов в районе головы покойного. Исключение составляет Крымский могильник, где доминирование крестцов и позвоночника сочетается с расположением сосудов у черепа погребенного.

В целом можно предположить, что использование в погребальном обряде конкретных частей туши животного, как устойчивого элемента ритуала, отражает общность представлений о посмертном существовании и в свою очередь свидетельствует об общности происхождения населения, оставившего памятники.

Разнообразие, проявляющееся в половозрастном составе погребенных, сопровождавшихся мясной пищей, и в анатомической принадлежности костей животных, характерное и для других элементов погребального обряда грунтовых могильников салтово-маяцкой культуры [13, с. 91], является, вероятно, следствием многих факторов – этнической неоднородности, изменчивости обряда во времени. К тому же отсутствие институализированных форм религиозной организации, наряду с достаточно высокой автономией скотоводческих коллективов, способствует высокой вариативности ритуала внутри отдельных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сарапулкин В. А.* Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) / В. А. Сарапулкин // Археологические памятники

⁴ В противоположность этому, если на Ржевском могильнике фиксируется традиция расположения сосудов у ног погребенного, то мы, хоть и нечасто, встречаем у ног мясную пищу, по составу аналогичную той, что располагалась у головы покойного.

⁵ На могильниках Красноярский и Закатное изучено небольшое число погребений – 6 и 9 соответственно, часть из которых повреждена. Это делает весьма условными выводы о погребальном обряде населения, оставившего данные памятники. К тому же приведенные в публикациях описания остеологического материала не всегда подробно и однозначно.

Восточной Европы. Вып. 12. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2006. – С. 195–204.

2. *Красильников К. И.* Могильник Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья / К. И. Красильников, Л. И. Красильникова // *Степи Европы в эпоху средневековья* : в 11 т. Т. 4. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2005. – С. 287–244.

3. *Аксенов В. С.* Захоронения с нарушением анатомического порядка на могильнике салтовской культуры Червонная Гусаровка / В. С. Аксенов // *Хазарский альманах*. Вып. 8. – Харьков ; Киев : Тарбут-Лаам, 2009. – С. 89–102.

4. *Плетнева С. А.* Волоконовский древнеболгарский могильник / С. А. Плетнева, А. Г. Николаенко // *Советская археология*. – 1976. – № 3. – С. 279–298.

5. *Парусимов И. Н.* Новый салтовский могильник в окрестностях г. Цимлянска / И. Н. Парусимов, Р. В. Прокофьев // *VI Донские археологические чтения* : сб. науч. докладов (г. Ростов-на-Дону, декабрь 2003 г.) – Ростов : Ростовское региональное отделение ВООПИК, 2004. – С. 52–67.

6. *Трубников В. В.* Новый грунтовый могильник VIII–IX веков в низовьях Северского Донца / В. В. Трубников // *Хазарские древности*. – Аксай : Аксайский военно-исторический музей, 2013. – С. 212–226.

7. *Савченко Е. И.* Крымский могильник / Е. И. Савченко // *Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (материалы работ Северокавказской экспедиции)*. Вып. 1. – М. : Наука, 1986. – С. 70–101.

8. *Красильников К. И.* Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце / К. И. Красильников // *Проблемы на прабългарската история и култура*. Вып. 2. – София : Агресс, 1991. – С. 62–81.

9. *Красильников К. И.* Погребения со зливкинскими традициями на могильнике у поселка Новодачное на реке Лугань / К. И. Красильников, Л. И. Красильникова // *Степи Европы в эпоху средневековья* : в 11 т. Т. 9. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2012. – С. 165–206.

10. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Материалы к тому же исследованию / В. А. Городцов // *Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 год* : в 3 т. Т. 1. – М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1905. – С. 226–514.

11. *Татаринов С. И.* Новые раннеболгарские погребения могильника из Дроновка-3 (Лиманское озеро) на Северском Донце / С. И. Татаринов, С. В. Федяев // *Степи Европы в эпоху средневековья* : в 11 т. Т. 2. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2001. – С. 365–374.

12. *Винников А. З.* Болгары в Поосколье (Мандровский могильник) / А. З. Винников, В. А. Сарапулкин. – Воронеж : ВГПУ, 2008 – 148 с.

13. *Аксенов В. С.* Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв. : проблемы поливариантности обряда и этноисторической интерпретации / В. С. Аксенов, А. А. Тортика // *Степи Европы в эпоху средневековья* : в 11 т. Т. 2. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2001. – С. 89–102.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Сарапулкин В. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения
E-mail: sarapulkin@bsu.edu.ru

Belgorod State National Research University
Sarapulkin V. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History and Document Management Department
E-mail: sarapulkin@bsu.edu.ru